

УДК 94(470):316.323.72+929Ленин+929Сталин+929Павлюченков

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА. ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ПАВЛЮЧЕНКОВА

В. П. Булдаков

Российская академия наук,
Институт Российской истории, г. Москва

Статья посвящена памяти Сергея Павлюченкова – известного российского историка. Автор последовательно анализирует его последнюю провокационную книгу, посвященную истории постреволюционной борьбы в большевистском руководстве. Отнюдь не соглашаясь со всеми положениями книги, автор показывает, что это исследование вносит громадный вклад в осмысление истории сталинизма.

Ключевые слова: *нэп, номенклатура, оппозиция, Троцкий, Сталин.*

Его не стало почти через два года после того, как он зашел ко мне со своей новой монографией¹ и попросил написать рецензию – не такую, какими обмениваются «из вежливости». Он ждал критики, ибо идеи, заложенные в книге, были откровенно провокационными. Ему хотелось полемизировать, сравнивая наше время с событиями 90-летней давности. В науке нормально именно это, а не учёное занудство, подстраивающееся под политические запросы сегодняшнего дня.

На фоне стандартных российских монографий, с их неременным историографическим предисловием, анализом имеющихся источников, наконец, с «многозначительным» или формальным заключением, книга выглядела необычно. В пространном введении, названном «Преемственность эпох и константа истории», было откровенно заявлено: рождение сталинизма было обусловлено железными законами истории, а не волей «индивидуальной и коллективной»; либеральные попытки его «разоблачительства», а равно и «раскладывание пасьянсов из мифических альтернатив» познавательны бесплодны; Россия не может существовать без жестко централизованной идеократической власти; «современная государственная система... задыхается от отсутствия такого института формирования и преемственности власти, как Партия-орден».

Всё это больше походило на крик души, нежели на холодное научное исследование. Сергей всегда был неуживчивым. Вероятно, таким и

¹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с. 500 экз.

следует быть историку, сама профессия которого предполагает постоянное сопротивление не помнящей родства современности. И ему нужен был «злой» оппонент, найти которого в наше «политкорректное» время не просто.

Разумеется, я написал намеренно жёсткую рецензию – именно этого он ждал, чтобы увидеть уязвимые места своей позиции, которую, естественно, собирался не менять, а укреплять. Рецензия предназначалась для западного журнала, который я сам и издавал и публиковаться в котором давно приглашал Сергея. От моих предложений он упорно отказывался; рецензию на свою книгу так и не успел увидеть. Теперь остаётся лишь воспроизвести основные положения полемики – читатель сам решит, кто прав, чем обусловлены достоинства, а равно и слабости автора (коих не лишен никто из нас).

Думаю, что это будет справедливо: исследователь жив до тех пор, пока его труды волнуют коллег. Историческая мысль должна работать – с нами или без нас, не важно.

* * *

Книгу можно было бы отнести к числу консервативных попыток переоценки постреволюционной истории, если бы не некоторые отличительные моменты. Во-первых, она написана ярко, вызывающе, местами афористично. Во-вторых, масса используемого документального материала столь велика, что вполне допускает иные, отличные от авторской, интерпретации. Независимо от убедительности высказываемых идей Павлюченков осуществил исследование, эвристическая польза от которого в любом случае перевешивает нескрываемую авторскую тенденциозность.

Меня не удивило экзотичное название книги (как и одной из её непосредственных предшественниц²), а равно и заголовков отдельных её глав и разделов. Автор столь основательно работал в архивах большевиков, что вольно или невольно начал использовать политический сленг 1920-х гг. Историк всегда оказывается под двусторонним культурным давлением – выбирая между языком прошлого и настоящего, трудно удержаться от соблазна подразнить современника яркими образами. Главное – не переусердствовать с экзотикой и не оказаться в плену у избитых образов.

Человек охотнее всего обращается к истории в силу недовольства современностью. И здесь историческая память, этос современности и собственно историческая наука вступают в смертельную схватку друг с другом. Наука редко выходит победительницей. Даже профессиональный исследователь слишком слаб перед мифами прошлого, помноженными на коммуникативные наивности нынешнего дня. Но «заблуждения» тоже спо-

² См.: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996.

собны стать мерилем личности историка, имплицитно предрасположенного «улучшать» минувшее, привнося в неё некую возвышенную логику. Павлюченкову хотелось более достойного прошлого. Он искал в истории – даже сталинской – не пепел, а огонь.

В июле 1921 г. у Сталина возник замысел написания брошюры с непривычным для марксиста названием: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Мечты о рыцарском ордене, возрождающем понятия о долге и чести, несколько ранее появились у идейных лидеров белогвардейцев, также мечтающих «спасти Россию» средневековыми способами. Брошюру Сталин писать не стал (должно быть, по причине «несвоевременности»), но цели своей, согласно Павлюченкову, добился: к лету 1929 г. стратегическое решение о форсированной модернизации было принято, «единая воля в руководстве достигнута, аппарат максимально отобилизован, настроение в партии подготовлено»³. Содержащийся в книге документальный материал – преимущественно о «кадровой политике» Ленина и главным образом Сталина – призван проиллюстрировать этот процесс.

Вообще-то давление метафор изучаемого культурного пространства отнюдь не безобидно для исследователя: они сковывают авторскую логику, особенно если она, в свою очередь, спрямлена известного рода «прогрессистскими» доктринами. В данном случае это оказалось слишком заметно: автор руководствовался «марксизмом без идеологии». И это не должно удивлять. Громадная масса современных «новаторов» даже не подозревает о методологической подноготной своих текстов.

Автор руководствовался установкой, характерной для многих нынешних российских историков. Ради того, чтобы увидеть «высший» смысл в террористической «бесмыслице» сталинизма, они принимаются рассуждать о модернизационном телеологизме российского исторического процесса. Павлюченков полагал, что «объективные» цели и задачи российской истории реализовывались в 1920-е гг. через стихийно-полубессознательную (а не научную, как писали во времена «руководящей роли КПСС») кадровую политику верхов. Отсюда характерный набор постулатов: нэп отражал закономерность, которую сами его творцы едва ли распознавали; партия большевиков воплощала в себе вовсе не ту историческую миссию, к которой готовилась; для любой модернизации нужен «новый класс» – в России им стала номенклатура (чего до сих пор никто не понял).

В общем, людям редко дается знать, в какое действо их вовлекла Клио. А потому многими историками двигает тоска по «честной» и креативной власти. Особенно это касается тех, кто старается «жить не во лжи».

³ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 460.

По представлению Павлюченкова, нэп отличался от эпохи так называемого военного коммунизма тем, что централизм экономический уступил место централизму политическому. В основе истории большевистского нэпа лежал не поиск *modus vivendi* с крестьянством, а попытка «создания необходимых условий для форсированной модернизации общества» усилиями «многоликой государственной бюрократии, объединённой партийным орденом в могущественный и довольно многочисленный социальный слой, приверженный государственным ценностям»⁴. Автор, похоже, заставил себя принять идею «модернизации по-русски», когда в интересах государства элиминируется самодеятельный потенциал общества, а людская масса превращается в послушное стадо, подвластное самоотверженным государственным деятелям. В принципе это возвращение к «идеалам» Петра I. Возникает, однако, сомнение: возможна ли модернизация *общества* с помощью института «идеального» крепостничества, а если да, то что из этого получится?

Не секрет, что в России всё делается «через власть». И потому идеализация властного начала в истории – обычное дело. Другое дело – как это осуществляется – вопреки современности или в угоду ей. Сергей делал *вопреки*, и это не худшее качество для историка.

Что характерно, Павлюченков опирался исключительно на документы *большевистских* архивов, полагая, что именно таким способом можно «заставить советскую историю заговорить на языке русской истории»⁵. В эпистемологическом отношении это сомнительно, тем более, что из большевистских архивов он извлекал, главным образом, тот материал, который характеризовал успехи Ленина и Сталина во *внутрипартийной* борьбе во имя *мобилизации* масс на решение задач непонятной для них *модернизации*. Сфокусированность на источниках единого происхождения порождает привычку их буквального прочтения и однобокой интерпретации. Но что произошло в данном случае: документы стали явно навязывать автору взгляд на важнейший период истории России из специфической среды *того* времени? Или, может быть, наоборот: тогдашнюю «смуту в умах» автор спрямил своей логикой? Скорее второе, хотя книга не даёт ясного ответа на эти вопросы. И это заставляет лишний раз задуматься над проблемами источниковедения.

Известно, что документы лишь тогда «обманывают» историка, когда тому хочется быть обманутым. Под «обаяние прошлого» попадают многие авторы. В отличие от господствующего либерального поветрия⁶, Павлюченков увлёкся диктаторской «моделью» преодоления российской смуты. Как бы ни оценивать такое историографическое явление эпистемологически, чисто по-человечески автора можно понять.

⁴ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 459.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Напр., см.: Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

Вообще о *мобилизационно-модернизационном* типе российской системы привыкли писать обществоведы, профессиональные навыки которых сформировались при изучении *советской* истории. Между тем российская система на протяжении веков складывалась не как мобилизационная (способная активизироваться в связи с внешней угрозой), а как *стабилизационная* («застойная» по причине тяжеловесности бюрократического управления). В известном смысле революция была связана с несоответствием управленческого аппарата объективно стоящим перед империей модернизационным задачам. После революции сам Ленин взвыл от окружающего его бюрократизма. Павлюченков, со своей стороны, увлёкся доказательством того, что только «институт Партии-ордена» способен обеспечить России «социальную стабильность модернизационного общества»⁷. В общем это можно сравнить с ездой на велосипеде: крути педали – не упадёшь. Но вот только в России «крутит педали» один, а управляет другой.

В России всегда надеялись на то, что власть может «исправиться» сама и соответственно исправить действительность. Удержаться от подобных иллюзий трудно даже профессиональному историку. Отсюда и убеждение: «государственный радикализм в России всегда был традиционным средством стабилизации общества»⁸. Но насколько это было успешно в долговременной перспективе?

Когда перечитываешь книгу, порой создается впечатление, что автор сознаёт, что обеспечение динамической устойчивости системы «меченосцами» в 1920-е гг. было невозможно в принципе. Он вроде бы соглашается с тем, что идеология деформировала практику, а практика, со своей стороны, постоянно заводила коммунистических доктринеров в логические тупики; в книге, кроме того, приводится масса примеров жалкого материального положения тогдашних партийцев. А поскольку в этом хаотичном взаимодействии «теории» и «практики» отыскать конструктивное начало довольно сложно, Павлюченков вольно или невольно перевёл проблематику постреволюционного развития России в русло «борьбы за власть». Если, по логике автора, Сталин постоянно «жертвовал принципиальностью ради власти», то и его противники поступали точно так же, ибо «самая надёжная нить Ариадны в идеологических тупиках – это борьба за власть»⁹.

Принцип «Я начальник, ты – дурак» в России хорошо известен. Но известна и цена, которую придётся рано или поздно заплатить за «начальника-дурака».

Признаюсь, меня всегда раздражали историки-этатисты. И тогда, когда они приписывали правителям избыточное глубокомыслие, и тогда, когда поносили их за «ошибки». Особенно раздражали те, кто не сомневался в выдающемся уме и прозорливости Сталина. Почему-то никто не бе-

⁷ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 21.

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же. С. 443.

рётся объяснить, что главный «секрет» вождей состоит в готовности в нужный момент выйти из-за кулис на опустевшую авансцену истории — здесь их ждут нетерпеливые зрители, через это и осуществляется нечто похожее на «железные законы» истории.

В истории России фактор борьбы за власть всегда присутствовал, но надо бы вспомнить, что даже в 1917 г. он сопровождался феноменом «бегства от власти», хорошо известным также по истории самодержавной России. Вероятно, Павлюченкову стоило бы поостеречься: возведение борьбы за власть в решающий фактор истории обычно характерно для *традиционалистской* социальной среды, не привыкшей опираться на свои собственные организационно-творческие возможности. Но он абсолютно прав, когда пишет, что «историческая наука может помочь обществу в облегчении судорог его развития... исследованием закономерностей, то есть постижением того, почему сложилось так, а не иначе»¹⁰. Это действительно так, хотя реальные закономерности истории вряд ли можно уловить, тяготея к признанию предопределённости «мудрых» решений власти, корректируемых некими метаисторическими силами.

Оборотной стороной отсутствия самостоятельного общества в России является привычка превращать нужду в добродетель. «Логика необходимости выше логики свободы», — уверял, со своей стороны, Павлюченков¹¹. В связи с этим бросается в глаза амбивалентность его отношения к Ленину и особенно Сталину. Он словно досадует: делали нужное дело, но недостаточно хорошо. А это похоже на историю КПСС «наоборот», когда в действиях генсеков подчёркивается не столько их непогрешимость, сколько досадные промахи.

Как бы то ни было, следовать за ходом мысли незаурядного автора — вещь занимательная даже при несогласии с ним. При всей своей внутренней противоречивости исследование выстроено по-своему логично.

В первой главе «Происхождение партии-государства» Павлюченков постарался показать, что этот невиданный, по его мнению, феномен зародился ещё во времена Ленина, в годы Гражданской войны в ходе многочисленных внутривнутрипартийных дискуссий. Смысл их, по мнению автора, не в столкновении «демократического» и «централистского» уклонов, а в борьбе за право той или иной группировки диктовать свою волю массам¹². Однако стоило бы взглянуть на происходящее и с иной точки зрения: революционная синергетика предполагала идентификацию новых элит по отношению к *ведомым массам*, что и обернулось вполне хаотичными и практически бесплодными дискуссиями, в которых перемешались «левые» и «правые».

¹⁰ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 11.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 48.

Во второй главе «Поражение победителей», Павлюченков постарался показать, что сразу после гражданской войны возник «внутренний фронт» в виде многочисленных восстаний против победителей. Строго говоря, «антисоветские» выступления крестьян не прекращались с 1918 г.¹³, но теперь, как видно из некоторых документов, большевиков ужаснуло не это, а то, что «их восстания имеют программу»¹⁴. Вдобавок к этому в вооружённую и даже террористическую борьбу с обманувшей людские ожидания властью включились рабочие, бывшие красноармейцы и даже эскоммунисты. Не приходится сомневаться, что большевиков шокировала перспектива утраты «классовой» опоры.

По мнению Павлюченкова, «разочарование в коммунистических посулах, утрата ясных политических ориентиров заставляли возвеличенного «гегемона» революции сконцентрироваться исключительно на частной жизни»¹⁵. Однако большевиков привёл к власти совсем иной «гегемон» – деклассированные солдаты старой армии. «Пролетарская» революция существовала главным образом в их доктринальном воображении, что теперь порождало в рядах партии комплексы классовой ущербности и патерналистской неполноценности. А поскольку образ «пролетарской власти» в 1921 г. можно было использовать в демагогических целях, протестуя против её «обуржуазивания», жупел «перерождения» мог быть использован не только всякой оппозицией (которая всегда действует одинаково), но и любым обиженным судьбой человеком – прежде всего из числа старых большевиков.

Известно, что после всякой революции наступает передел собственности (в том числе и в форме её принципиального отрицания), а после войны – массовая релаксация, принимающие подчас формы, несовместимые с нравственностью мирного времени. Подобные явления вызвали настоящую панику в большевистском руководстве. Но едва ли можно назвать это «поражением победителей» – скорее потерпели крах императивы «военного коммунизма», зашаталась идея мировой революции.

Третью главу «Отступление закончено» (выражение Ленина) Павлюченков начинает словами: «Весь 1921 год ленинское руководство провело в поэтапном отступлении с рубежей военного коммунизма и концентрации немногочисленных организованных сил»¹⁶. По его мнению, для этого потребовалось укрепление ВЧК и отрядов частей особого назначения (ЧОН), поскольку «на Красную армию, уже малочисленную, нельзя было положиться в деликатном деле по подавлению крестьянского движения». На деле тогдашние отряды ЧОН скорее напоминали о «партизанщине» на-

¹³ См.: *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 265. Л. 1.

¹⁵ *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»... С. 77.

¹⁶ Там же. С. 121.

чального этапа Гражданской войны: мобилизационные именные списки в них подчас не велись¹⁷, а в Тамбовской губернии их бойцам не хватало ни оружия, ни обмундирования¹⁸. Впрочем, упомянув о ЧОНах, Павлюченков тут же сообщает о неожиданных послаблениях в карательной политике¹⁹. Но стоит ли этому удивляться, поскольку весь нэп, по словам Троцкого, представлялся своего рода «передышкой» (автор приводит массу примеров, подтверждающих, что большинство партийцев именно так его и воспринимали).

Представляется, что, рассуждая об «отступлениях» и «наступлениях» большевиков в постреволюционный период, нельзя трактовать те или иные высказывания Ленина и Сталина буквально. В сущности, они были бессильны перед *стихией* массовой релаксации. С другой стороны, планы «построения социализма в одной стране» навязать революционным идеалистам, рвущимся в очередные «бои с империализмом», было нелегко.

В четвертой главе «“Новый класс” и система государственного абсолютизма» значительное место уделено борьбе Ленина против Троцкого, а затем против Сталина. Троцкий у Павлюченкова превращается во властолюбца в самом заземлённом смысле слова. Конечно, в авторитаризме Троцкого сомневаться не приходится, но это вовсе не показатель его намерения и готовности занять пост первого лица в государстве. В силу своего этнического происхождения он предпочёл бы стать лидером мировой революции, но никак не вершителем судеб России, прекрасно сознавая, что построить социализм в её замкнутых пределах – значило откатиться к крепостничеству. К тому же, исходя из особенностей талантов Троцкого, нетрудно догадаться, что в мирное время он непроизвольно возвратился к роли пылкого публициста и далёкого от партийной дисциплины теоретика. Он вовсе не был одномерно левым – он просто в очередной раз ждал *своего* часа мировой истории. Между тем очумевший от экспериментов власти народ ждал совсем другого вождя, не напоминавшего о мировой революции, а защищавшего от происков бесчисленных внутренних «врагов». Исторiku всё ещё трудно бывает отделить реального Троцкого и троцкизм от прошлых (застрявших и в современном массовом сознании) образов того и другого.

Пятая глава с коротким названием «Номенклатура» полна сожалений о незавершённости процесса создания «нового класса». Павлюченков определённо солидаризуется с партийными пуристами, нацеленными на возрождение духа самопожертвования в рядах большевиков²⁰. Естественно, это идёт вразрез со ставшими стандартными «разоблачениями»

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 264. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 263. Л. 28.

¹⁹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 162–165.

²⁰ Там же. С. 262–263.

номенклатуры²¹. Между тем не стоило бы забывать, что номенклатура намеренно строилась по принципу безмозглой преданности начальству. Современные авторы отнюдь не голословно утверждают, что «диктатура партии-государства стала своеобразной диктатурой номенклатуры – замкнутой, корпоративной системы власти с жёсткой вертикалью иерархической подчиненности, исключаяющей какое-либо проявление самостоятельности и инициативы, управляемой только посредством директив»²². Любая власть, настроенная на реализацию *своих* целей, выдаваемых за *классовые*, будет действовать сходным образом. Российская власть всегда форматировала социальное пространство «под себя». Тем не менее Павлюченков склонен видеть в феномене «нового служилого сословия» некую позитивную для России новизну. По его мнению, даже «переброска кадров» – изобретение Ленина и Сталина²³. На деле это известная российская традиция: самодержавие постоянно перетасовывало губернаторов. Сталинская практика основывалась на умении лавировать между доктриной, ее истолкованиями и терпением масс – отнюдь не безграничным.

Строго говоря, история постреволюционной России – это история победившей этактистской традиции, опирающейся на беспомощность масс. Павлюченков пробовал исходить из другой логики – логики лидеров. Не случайно он подчеркивал, что сам Сталин считал себя «практиком», переигравшим Троцкого за счёт «средних кадров»²⁴. Между тем, Сталин отнюдь не переиграл Троцкого, а скорее преуспел в *стабилизации* системы путём умерщвления оживающего социального пространства²⁵.

Давно замечено, что после системных кризисов происходит не просто быстрая регенерация социальной ткани, но и появление в ней инновационных качеств. Ничего подобного в постреволюционной России не произошло – в немалой роли благодаря «средним кадрам». Креативный потенциал новой элиты, ранжированной номенклатурной системой, стал стремительно истощаться. Отсюда, кстати, и эскалация девиантного поведения в большевистской среде. В лице Сталина генерация партийных «выдвиженцев» и «назначенцев», не говоря уже о коммунистах, безвольно поплывших по течению, охотно признала своего «хозяина». Формирование «нового класса» произошло за счёт безынициативных малообразованных слоев, склонных решать любые вопросы через многочисленные «согласования» в видах уклонения от ответственности. «Орден меченосцев» остался в вооб-

²¹ Напр. см.: *Ткачев В. И.* Формирование механизма партийной власти в Советской политической системе. Октябрь 1917 г. – 1930-е гг. (на материалах Поволжья). Саратов, 2006; *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007.

²² *Кодин Е. В.* ВКП (б) как партия-государство // *Провинциальная власть: система и её представители, 1917–1938 гг.* / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 2005. С. 141.

²³ *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»... С. 229–231.

²⁴ Там же. С. 281–282.

²⁵ См.: *Пашин В. П.* Номенклатура и социальный апартеид партии большевиков в 1920-е годы // *The Soviet and Post-Soviet Review.* (2007). Vol. 34. No. 2. P. 159–196.

ражении «вождя». Вот, собственно, реальный итог эксперимента по созданию «нового класса».

Понятно, что с подобными «пессимистическими» выводами трудно бывает согласиться.

В шестой главе «Наступление на ведомственность» Павлюченков проводил мысль, что теперь руками номенклатуры Сталину предстояло подчинить «воле партии» бюрократические ведомства. Прежде всего следовало лишить Троцкого опоры в армии, что и было проделано иезуитским путем²⁶. Но стоит напомнить, что Троцкий сам осуществлял многократное сокращение численности армии, он же нацелился на технократический рывок вперед. С другой стороны, известно, что промышленные ведомства прямо–таки взвыли от дикого непрофессионализма номенклатурных назначенцев. Справедливо, что преодолеть внутрипартийный разброд можно было «путём реанимации мобилизационной идеологии», формирующей корпоративный интерес номенклатуры²⁷. Впрочем, книга так и не даёт ответа на вопрос, имело ли успех это сталинское начинание. На мой взгляд, в неуклонном выдавливании Троцкого – как из армии, так и из политического пространства – объективную роль сыграл совсем иной фактор: наступил такой период российской истории, когда харизматические фигуры утверждаются в связи с *обладанием* высшей властью, а не пылкой критикой её недостатков.

По мысли Павлюченкова, после победы над ведомственностью следовало расправиться с внутрипартийными «врагами». Этому и посвящена седьмая глава «Борьба с кланами». Но стоило ли писать о «клане» Зиновьева и Каменева, «новой оппозиции», «троцкистско-зиновьевском блоке», реанимируя тем самым терминологию «Краткого курса», если сами тогдашние «оппозиционеры» откровенно называли себя «не государственниками, а революционерами»²⁸? Не проще ли задуматься над иным рядом вопросов: чего могли добиться революционные пассионарии в *постреволюционной* России, в условиях, когда людскому большинству хотелось *стабилизации*? Как могли не восстать марксисты против программы «форсированной индустриализации», если в их среде считалось аксиомой, что она в принципе возможна в намного более продвинутом обществе на качественно новой технологической базе?

В годы Гражданской войны Сталин, как известно, воевал против так называемых военспецов. Троцкий, а затем и Ленин одернули его, популярно объяснив, что комиссарскими методами белогвардейцев не победить. Можно предположить, что упрямый Сталин решил отстоять «правоту» в новых обстоятельствах. Строго говоря, всякий исследователь попадает в

²⁶ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 298.

²⁷ Там же. С. 299.

²⁸ Там же. С. 367.

трудное положение, сталкиваясь с феноменом утверждения у власти *ограниченного* человека.

Можно согласиться с Павлюченковым, что оппозиция сыграла «роль пугала, под прикрытием которого реальные мероприятия власти казались умеренными при всём их максимализме»²⁹. Примечательно также заявление о том, что Сталину было выгодно не моментальное устранение своих противников, а постепенная их дискредитация³⁰. Все это звучит логично. Но возникает вопрос: а как мог трусоватый вождь в *то время* по-другому избавиться от противников?

В действительности Сталину мешала не левая, не правая, даже не оппозиция вообще: мешало неверие масс в *правильность* действий власти – мешало тем более, что власть сама не была уверена в их правильности. История постреволюционного времени – это не столько история борьбы за власть, сколько история психозов полуразрушенного традиционного социального пространства, передающихся верхам, считающим себя наследниками революции и потому не понимающим, почему теперь их призывы не воспринимаются массами. Сталинское руководство, в том числе и сам вождь, оказалось в ловушке собственных страхов, помноженных на неумение трезво и чётко реагировать на «неожиданные» запросы низов. Превращение же его в диктатора связано не с уничтожением оппозиции, а с неверием масс в собственные силы. «Массы практически никогда не бывают против диктатур, но обычно возмущаются их содержанием или инородностью», – справедливо заметил сам Павлюченков³¹.

Специальный раздел главы с несколько загадочным названием «Не государственное, а незаконное предприятие» посвящён ликвидации ещё одного «клана» – ВЧК. Можно было бы просто сказать, что спецорганы, готовые арестовать кого угодно, вплоть до партийно-советской администрации, были терпимы в годы Гражданской войны; в мирное время карательные функции естественным образом должны были быть возвращены обычным следственно-судебным органам. Но Павлюченков подошёл к этому вопросу с неожиданной стороны: большевистское руководство вынуждено было «постепенно идти на уступки требованиям “нового класса”», стремящегося избавиться от лишней опеки³². Глава заканчивается заявлением: «Главным результатом эпохи нэпа стало завершение создания государственного мобилизационного аппарата, начиная с Политбюро и кончая партиячейкой завода и деревни, который мог заставить общество форсированными темпами тронуться с рубежа 1913 г., навёрстывая упущенное время на пути индустриализации и урбанизации страны»³³. Увы, это плохо

²⁹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 386.

³⁰ Там же. С. 408–409.

³¹ Там же. С. 393.

³² Там же. С. 418.

³³ Там же. С. 428.

согласуется с приведёнными в книге многочисленными примерами развала низовых партийных организаций и тщетности попыток их возрождения. С другой стороны, вызывает возражение стремление Павлюченкова ставить знак равенства между модернизацией и индустриализацией³⁴. Под модернизацией – независимо от релевантности связанных с ней теорий – следовало бы иметь в виду технологизацию, причём не столько в экономической, сколько в социальной сфере. Павлюченков вскользь упомянул о «примитивизации общества»³⁵, но стоило бы добавить, что созданная «мобилизационная система» в принципе противостояла *реальной* модернизации. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что массы понимали противоборство в ЦК соответственно своему разумению – как столкновение «кавказцев с евреями»³⁶. Увы, каждый склонен видеть в хаосе доступную его пониманию логику, а не логику самоорганизации хаоса.

Можно ли было в 1920–1930-х гг. ожидать успехов настоящей модернизации? Вероятно, не случайно некоторые современные авторы, характеризуя «успехи» сталинизма, употребляют оксюморон «консервативная модернизация». Стоило бы вспомнить и о сомнительных «модернизационно-крепостнических» экспериментах Петра I. Парадокс в том, что они до сих пор вызывают восторги многих, в том числе и либеральных, российских авторов.

В последней седьмой главе «Политический финал нэпа» автор отмечал, что «вторая половина 1920-х гг. стала экспериментальным полем по испытанию всех возможных способов разрешения хозяйственных кризисов в рамках нэпа, в том числе экзотических»³⁷. Строго говоря, весь так называемый нэп был временем метания перепуганной власти из крайности в крайность, что, как видно из книги, приносило отнюдь не только «модернизационные» результаты. Так, налоговая политика того времени довела наиболее дееспособную часть крестьянства до того, что оно откатилось едва ли не к натуральной форме хозяйствования³⁸. Можно сказать, что курс на ускоренную коллективизацию и индустриализацию был порождением испуга вождя, да и всей партийной верхушки, все более утрачивающей грань между реальным и воображаемым. По мнению Павлюченкова, «руководству ВКП (б) хотелось рывка, но это полбеда, беда заключалась в том, что этот рывок был объективно нужен»³⁹.

Трудно понять, каким образом впавшему в паранойю под влиянием дурно истолкованных международных обстоятельств большевистскому руководству передавались «объективные» импульсы истории. Оказывается,

³⁴ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 358.

³⁵ Там же. С. 429.

³⁶ Там же. С. 381.

³⁷ Там же. С. 430.

³⁸ Там же. С. 440.

³⁹ Там же. С. 432.

«в предстоящем периоде государственного насилия над обществом требовалась единая воля и полная историческая ответственность за все». Если так, то Сталину «нужно было остаться одному при личной свободе выбора между уклонами всех цветов и направлений»⁴⁰. Власть всегда права?

На мой взгляд, существо дела находится за пределами парадоксальных метафор: после революции побеждают выжившие, а среди них куда больше осторожных и трусливых, нежели решительных и смелых. Таковы законы социальной синергетики, которые лежат в сфере, далёкой от детерминистских построений, на которые постоянно сбиваются в России даже самые пронизательные историки.

Возникает вопрос: во имя чего в действительности могла развернуться борьба за власть (помимо сомнительного с точки зрения марксистской этики желания обладать этой властью)? Может быть, в видах заполнения «вакуума власти» после смерти Ленина, ставшего непререкаемым символом и революционности, и государственности? Уместнее предположить, что Сталину и его сторонникам после смерти Ленина определённо стала мешать неподходящая для новой ситуации «военно-коммунистическая» харизма Троцкого. Не случайно, сам Сталин до конца жизни лицедействовал в маске скромного «ученика» Ленина. Стоило бы предположить, что поборники мировой революции в истощённой стране объективно оказывались опасными для власти, психологически настроенной на автаркию. Представляется, что борьба за власть в стране, пережившей очередную смуту, велась во имя способов внутренней *стабилизации* вполне традиционного типа. В этом смысле импровизатор-революционер Троцкий для туповатого Сталина был особенно опасен – тем более что в глазах истощённых масс он, как ни парадоксально, мог стать символом «лучшей жизни».

Человеческая склонность к оправданию любых действий победителей известна с незапамятных времен, равно как и поношение их противников. Очень заметно это и у Павлюченкова, попытавшегося «добить» всех бывших противников Сталина. Так, Троцкий в его глазах – это «талантливая ограниченность»⁴¹. Кем же назвать тогда Сталина: «бесталанным прозорливцем»? Больше всего «ошибок» совершают незаурядные люди. В постреволюционное время ошибались и колебались *все*, приближённые к власти, кроме, разумеется, бесхребетных номенклатурных существ. Сам Павлюченков привёл характерные примеры того, как в годы нэпа неожиданно сходились бывшие политические противники⁴². Между прочим, и Сталин, и Троцкий одинаково ошибочно оценивали геополитические противоречия

⁴⁰ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 458.

⁴¹ Там же. С. 389.

⁴² Там же. С. 388–389.

капитализма в конце 1920-х гг.⁴³, и эта ошибка стала катализатором курса на ускоренную, но совершенно неподготовленную индустриализацию.

Ещё один авторский миф связан с образом Ленина. Павлюченков считал, что Сталин и Троцкий фактически представляли «две половинки Ленина»⁴⁴ – вероятно, это мнение навеяно ходульными представлениями, что Ленин был не только революционером, но и строителем государства. На деле выдающийся революционер Ленин лишь безнадежно пытался стать государственным – Троцкого в этом смысле можно считать излишним для системы продолжателем его дела.

Вообще-то едва ли не все российские историки грешат уникальным – вполне объяснимым, но трудно излечимым – пороком: история власти пишется не только при полном игнорировании социальной среды, её породившей, но даже без анализа *социальной* информации, которой эта власть руководствовалась, принимая те или иные решения. Это связано с тем, что власть воспринималась и воспринимается не как обычный управленческий механизм, а как своего рода метафизическая величина, зависящая *только* от импульсов, исходящих *сверху* – то ли от лица Господа, то ли Истории, – но никак не от давления *снизу*. Власть оценивается подданными скорее по *эмоциональным*, нежели по каким-то иным критериям. Историки, со своей стороны, пытаются разглядеть в этом совсем иную – более «возвышенную» – *политическую* логику, зачастую сводимую к примитивной борьбе за власть.

Российское *традиционное* социальное пространство строилось (и строится) по «доверительным» критериям – иного быть не может. Стоило бы обратить внимание на тот поток «писем во власть», которыми человеческая масса в полном смысле заваливала «вождей». Среди посланий такого рода было предостаточно жалоб обманутых мужей на неверных жен, «подкрепляемых» ссылками на свои «революционные заслуги»⁴⁵, не говоря уже об отчаянных указаниях на «неправильные действия» и «нетерпимые» пороки тех, кого Сталин намеревался сделать «меченосцами». Архивы хранят целые залежи подобных посланий, однако российские авторы упорно игнорируют их как нечто несущественное⁴⁶, тогда как западные социальные историки пока не научились ставить их в контекст сталинской *политики*. Иррациональное недовольство снизу порождает параноидальные страхи наверху – этим и определялось поведение «вождя». Диктаторская власть,

⁴³ См.: Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов. СПб., 2002. С. 324.

⁴⁴ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 397.

⁴⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 353. Оп. 3. Д. 123. Л. 119–120.

⁴⁶ Исключения редки. См.: Лившин А. Я., Орлов И. Б. Революция и справедливость: послеоктябрьские письма во власть // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 254; Письма во власть. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Ред.: А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 1998.

выросшая из революционной смуты, бывает в первую очередь озабочена проблемой *стабилизации* своего положения, ибо слишком хорошо сознает, что у человеческой массы, не находящей возможности решить свои проблемы легальным путем, остаётся только одно оружие – бунт. Предотвратить его проще всего старинным способом, демонстративно расправившись с «врагами» – скорее мнимыми, нежели реальными.

В сущности, сталинская попытка создания «ордена меченосцев» – превращение революционного хаоса в некий «высокий», облагороженный идеей порядок усилиями сознательно-дисциплинированного меньшинства – полностью провалилась. Вместо появления «нового класса» произошло воссоздание привычной сословно-бюрократической иерархии по принципу предельной преданности верховному правителю. Как это обычно и случилось в результате российских смут, новорожденная система унаследовала все худшие черты старой, добавив к ним пороки вульгаризованных инноваций. Но в чём конечная причина этого – и не только этого – провала власти в России? На этот вопрос книга Павлюченкова ответа не даёт, хотя автор заявляет, что отказ «нового класса» от самоидентификации был ошибкой⁴⁷. А между тем стоило бы сопоставить перипетии внутрипартийной борьбы за власть с противоречивыми устремлениями масс. Рождение порядка из хаоса происходит не в результате борьбы за власть, в которой побеждает самый умный и прозорливый лидер, создавший наиболее совершенную систему управления. Обычно это бывает связано с согласием измученных масс на *понятный* им порядок старого образца. Это было известно в пережившей революции Европе по меньшей мере с конца XVIII в.

В возвышении Сталина была своя логика. Логика эта определялась *психологией* подданных, заставлявшей трепетать и дергаться нового самодержца. Все его последующие метания связаны с попытками найти несуществующее равновесие между ложно понимаемым прогрессом и традиционным имперским застоём.

Если постреволюционная власть в России оказалась в западне утопии, которую народ понимал по-своему, то стоит ли разыскивать в этом модернизационный смысл методом одномерной каузальности? Несомненно, надежды Павлюченкова на то, что судьбы России решаются с помощью кадровой политики верхов, могли бы очень понравиться современной российской номенклатуре. Но реальная авторская заслуга совсем в другом: приводимый им материал куда богаче его изначальных постулатов. В конце концов, эпиграф к его книге: «После любой революции общество ищет свою новую элиту» (А. Тойнби) – может быть прочитан с позиций социальной истории, а не с точки зрения дутых успехов новых партийных олигархов.

⁴⁷ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 203.

Я не думаю, что Павлюченков действительно мечтал о новой элите и тем более был занят гипотетическим поиском своего места в её рядах. Об этом обычно думают *плохие* историки, плодящие бесконечное количество бесцветных публикаций. Если что-то по-настоящему может раздражать настоящего исследователя в наши дни (не только в родном отечестве), так это ощущение растущей не востребоваемости истории как *науки*. И это опасно – не в смысле боязни безработицы, а в связи с общим духовным оскудением культурного пространства.

Сегодня, соглашаясь или не соглашаясь с высказанными Павлюченковым идеями, нельзя не признать, что в любом случае он не просто выделялся в своём окружении, но и возвышался над ним – таково свойство бескомпромиссного таланта. Бездари ему завидовали и даже пакостили. Он относился к этому на редкость равнодушно. Меня в своё время поразило, насколько спокойно он отнёсся к попыткам парочки «друзей», вечно занятых поисками «соавторов», оклеветать его накануне защиты докторской диссертации.

Кстати сказать, вошёл он в «большую науку» (в смысле завоевания степеней и званий) на редкость естественно и уверенно. Этим он заметно отличался от тех «учёных», которые в полном смысле слова «на брюхе», сочиняя «проходные» диссертации, вползают наверх.

Сергей словно знал, что осталось ему немного, – спешил, не размещаясь на мелкие статьи и рецензии. Он никогда не писал в соавторстве – и это во времена, когда иные начальники или литературные поденщики, рвущиеся в «корифеи», без зазрения совести ставят свои фамилии перед текстами настоящих авторов, игнорируя не только алфавитный порядок, но и забывая о джентльменской учтивости перед дамами. Профессия историка вырождается на глазах: одни «авторы» сочиняют «научно-популярные» книги с помощью Интернета, другие беззастенчиво обдирают своих коллег, третьи спешат в начальники. С чем это связано, известно – с концом «гуттенберговской» эпохи и легковесной «визуализацией» знания о прошлом; с коммерциализацией отечественной Клио и рождением поколения профессиональных соискателей грантов; с деморализацией обществоведения и с присуждением учёных степеней всевозможным бюрократам, с нарастающей политизацией прошлого в форме «борьбы с фальсификаторами».

Павлюченков был далёк от всего этого, он никогда не занимался рекламой собственных книг. Как результат, их обычно начинали замечать только через несколько лет. Но *замечали* и по достоинству оценивали. В любом случае к нему относились как к *исследователю*, а не представителю многочисленного племени именующих себя «докторами», «профессорами» и т. п.

Сергей был из тех немногих, кто обладал настоящей волей к истине. Насколько он был прав в своих выводах, определит время. И он изо всех

сил сопротивлялся историографической бесцветности и глянцевой «попсе». Только такие люди оставляют след в науке.

Список литературы:

1. *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов. СПб., 2002.
2. *Кодин Е. В.* ВКП (б) как партия-государство // *Провинциальная власть: система и ее представители, 1917–1938 гг.* / под ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 2005.
3. *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Революция и справедливость: послеоктябрьские письма во власть // *Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению.* М., 1998.
4. *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.
5. *Павлюченков С. А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996.
6. *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
7. *Пашин В. П.* Номенклатура и социальный апартеид партии большевиков в 1920-е годы // *The Soviet and Post-Soviet Review.* (2007). Vol. 34. No. 2
8. *Ткачев В. И.* Формирование механизма партийной власти в Советской политической системе. Октябрь 1917 г. – 1930-е гг. (на материалах Поволжья). Саратов, 2006.
9. *Шелухаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
10. *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007.

THE LATEST BOOK. SERGEY PAVLJUCHENKOV'S MEMOIRIES

V. P. Buldakov

The Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian history, Moscow

The review is devoted to memory of Sergei Pavlyuchenkov – well known modern Russian historian. The author consecutively analyzes his very provocative last book, devoted the post-revolutionary straggle for power in Bolshevik leadership. Not to be completely agree with Pavluchenkov, author is showing his great contribution in understanding the whole history of Stalinism.

Keywords: *new economic policy, nomenklatura, opposition, Trotsky, Stalin.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук.

E-mail: kuroneko@list.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2010